К 100-летию Н. С. ГОЛОВАНОВА

ПОНЕДЕЛЬНИК, 4 МАРТА, РАДИО-1, 19.00

Он «как завсегдатай Большого» мог просто подойти к маэстро и сказать: «Николай Семенович, здравствуйте, я преклоняюсь перед вашим могучим даром...» И все. Дирижер увидел бы, разглядел человека, а в человеке — художника, и, несмотря на разницу в летах, у них наверняка началась бы дружба. Но застенчивость и робость помешали сделать ему этот шаг. Он не был знаком с дирижером лично, не работал с ним. Но все-таки стал его учеником, стал причастным голвановской школе. Хотя, как известно, у Голованова не было ни специальной школы, ни прямых учеников. Более того, тот, о ком речь, в молодые свои лета вовсю подражал Голованову. И никогда не скрывал этого. И по сей день признается: «Я слишком пристрастен ко всему, что связано с именем незабвенного Николая Семеновича».

Мы говорим о Евгении Светланове. О художнике, кто больше других пошел по пути Голованова, кто сумел сделать не меньше, чем его выдающийся предшественник, и в тех же, что и Голованов, сферах: поставил (и ставит) спектакли в Большом, играет классику (русскую прежде всего), сочиняет сочную музыку, солирует как пианист, с азартом, крепким вкусом и волнением (волнение, страстность во всем — это тоже голвановское), дарит нам слово о музыке и музыкантах. Конечно, Светланов — сам самобытная личность, которую не заслонит и тень великих. Но творческое следование Голованову — не просто хождение за ним след в след, а освоение его традиции, которую часто пытались отменить, не заметить или затушевать. Много чего было в этой традиции. И русскость во всем, размах, глубина дела, бескомпромиссность, предельная выразительность, что действует на слушателей завораживающе. В традиции и характер художника. И фанатизм его любви к музыке. Радивых Голованов считал своими братьями, ленивых (пусть и даровитых) презирал. Большой художник — воля и терпение. Бьют — терпи. Но не бездействуй. И не теряй веру. Должность отняли — музыку не отнимешь. Его изгоняли из консерватории (пролеткультмузыканты не терпели «дворянскую сытую классику»), трижды из Большого театра. Обвиняли в антисемитизме. Это-то Голованов — юдофоб?! Несерьезно, мягко говоря. Тот, кто больше жизни любил музыку, да чего там любил — жил ею, не мог ненавидеть тех, кто в большей степени музыку претворяет в жизнь. Музыканты Большого театра и БСО (этим оркестром Николай Семенович руководил многие годы, до самой смерти), к какой бы они национальности ни принадлежали, подпишутся под этими словами.

Что осталось нам в наследие от Голованова? О духе, свете, животворности его традиций мы сказали. Память о свершениях в отечественной симфонической музыке и в театре? Да, Чайковский, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков, Скрябин, поздний Рахманинов, три гениальные оперные постановки в Большом — «Борис Годунов», «Хованщина», «Садко», о которых Евгений Светланов говорит: «Вершинные достижения, быть может, за всю историю Большого театра». А увертюра Чайковского «1812 год» — в память и об Отечественной войне, о подвиге всего народа, без различия классов и рангов, и о Храме Христа Спасителя, возведенном в честь той всенародной защиты Отечества! А оперы в концертном исполнении!.. А дуэт с великой Неждановой — верной подругой Голованова!.. Остались нам записи. Спасибо реставраторам — не дают они превратиться этим звучащим документам эпохи в прах. Да еще одна грань дарования Голованова — композиция. Надо бы воссоздать лучшее из написанного им. В восемьдесят третьем году Евгений Светланов написал в известной своей статье о Голованове «Титан дирижерского искусства» так: «Остается также надеяться на то, что музыканты-исполнители как-нибудь заинтересуются произведениями Голованова и включат их в свои программы». И вот сегодня у самого Е. Светланова есть такая возможность: он в концерт к 100-летию со дня рождения Н. Голованова (трансляция из Большого зала столичной консерватории) включает голвановские сочинения, которые будут звучать рядом с музыкой Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина... В концерте участвуют Академический симфонический оркестр Союза ССР, хор и оркестр Большого театра. А душа вечера, конечно, Евгений Федорович Светланов — художник голвановской удали. Еще одно его слово о Голованове — напоследок: «Как не хватает нам сегодня Голованова! Уж кто-кто, а он наверняка привел бы в порядок весьма «подрасшатавшееся» в последнее время наше музыкальное хозяйство!»

В. ГУСАРОВ

Фото В. Савостьянова

Семь дней — 1991 — 4–10 марта (№ 10). — с. 8